

ВПРОЧЕМ, такой ли уж он мальчик? С виду, конечно, молод. Но вот театральные гардеробщицы ахают - как же он мог видеть спектакли, которые шли на сцене еще в 60-е? А просто: любил театр с пеленок, любил бескорыстно, не думая о взаимности ("Режиссура - профессия одиночек, а режиссеры - одинокие волки", - так говорит он). Все, что было прочитано, хотелось увидеть - как это может существовать?

Он, между прочим, круглый отличник. И в школе, и в "Щуке". Красный актерский диплом и не менее красный режиссерский. Пятерки получал по двум соображениям: во-первых, у него по-другому не получалось, а во-вторых, сразу решил стать независимым от родителей, рано от них отделился; денег не было - пришлось получать повышенную стипендию (вахтанговскую, симоновскую). И так целых 10 лет. Любимые учителя - Евг. Симонов, Шлезингер, Ставская, Тер-Захарова.

Прилежание помогает и сейчас: он обожает работать, подписывает контракт за контрактом. Работает, чтобы всегда быть в форме. Утром репетирует Пристли, в три - Саймона, а вечером едет на телевидение или к студентам. Нет репетиций - места себе не находит. Средиземноморье - это, конечно, прекрасно, но просто валяться на пляже? Дурдом!

О его скандалах. Он искренне считает, что "режиссура - это всегда вопреки" - неважно, какой режим на дворе. Скандал номер один. Артур Миллер. "Цена". Время стагнации, и Миллера категорически "низзя". Борец за права человека, антисоветчик и т. д. В Петербурге, несмотря на Товстоногова, Басилашвили и Стрельчика, "Цену" снимают, а он, студент, ставит. Правда, зрители приходят по пригласительным. Но это и решает - раз так, то диплом не засчитывают.

Но как спектакль "Цена" получился, его увидел Евг. Лазарев и взял Житинкина к себе на Бронную для преддипломной практики. Но там он пробыл недолго, потому что его оттуда "уворвала" Волчек. И в "Современнике" Житинкин должен был защитить наконец диплом, выбрав для этого самую скандальную пьесу Теннесси Уильямса "Вье Карре".

Ситуация создавалась двусмысленная: Волчек в это время выпускала "Крутой маршрут", претендовавший на Госпремию; а тут Житинкин с его "голубыми делами" (это сейчас ими не удивишь, а тогда - шок!). Состоялся худсовет, на котором его попросили убрать всю гомосексуальную линию. Но пьеса-то автобиографическая - об одном из ранних увлечений Уильямса, так как же без этого? Постановку "Вье Карре" во избежание скандала решили отложить. Житинкин понял, что ему тут сильно не светит, а поскольку в это время Фокин набирал себе команду в Ермоловский, он без колебаний переехал на Тверскую.

Для диплома был выбран еще один скандал - пьеса Николая Климентовича "Снег. Недалеко от тюрьмы!". Мало того, что Климентович имел прямое отношение к журналу "Континент", в спектакле еще и оказалась сцена, в которой милиционер насиловал беременную лимитчицу, причем делал он это, оставшись в семейных трусах: в тексте же обыгрывались слова "серая вошь", "серый цвет мундира" и т. д. Чернуха? Житинкин так не считает, ибо, по его словам, "упаковал фабулу в рождественскую сказку, и вариант непорочно зачатия обыгрывался не впрямую".

Другие ермоловские скандалы Житинкина: полугалегальные в то время (1988) "Роковые яйца",

"Калигула" Камю, поставленный отнюдь не в пик знаменитой порнушке Тинто Брасса; Житинкин даже хотел в фойе показывать по видео самые крутые сцены из фильма, однако технически это оказалось невозможным.

Сам он считает, что критики неспроста называют его скандальным: он специально лезет на рожон. Берет обязательно что-то сенсационное. Пошла мода на геев - показал в "Калигуле" гомосексуальный акт; но, по его словам, ему важно было не просто шокировать публику, а выразить некую "жестокость эксперимента" - никакой любви в "Калигуле" нет и быть не может. Хотя Викток наверняка сделал бы некоторые эпизоды красиво; Житинкин же считает, что секс в "Калигуле" - это пытка.

- и спектакль снова молчанием не обошли. Был "Желтый ангел" по Тэффи и Аверченко: тема эмиграции была тогда популярной, и многие приняли здесь сюсюкать - а он поставил, как всегда, жестко и без слез. Показал, как в эмиграции враждовали, спивались, да и ностальгии там не было. Был еще один Уильямс, "Внезапно прошлым летом" - тоже достаточно крутая пьеса с мотивами каннибализма, лоботомии, перверсий и т. д.; в Москве этот Уильямс смотрелся прекрасно.

Кстати, и с этим Уильямсом не обошлось без скандала - правда, другого рода. Тализиной, игравшей главную роль, вдруг не понравился перевод; она нашла другой, к ней присоединились коллеги - и что было делать Житинкину? Сорвать спектакль? Контракт-то с переводчиком уже был заключен. Но в скандальной ситуации он оказался гибким - сумел погасить разгоравшийся пожар. Тут-то, пожалуй, режиссер и показал свое истинное лицо: скандалы - это для зрителя, а внутри - не дай Бог!

Можно ли считать скандальным спектакль по крайне слабой пьесе Радзинского "Поле битвы после победы принадлежит мародерам"? Вряд ли. Если, конечно, забыть финальную реплику героини, которую играла "самая народная артистка" Гурченко: "Мудаки мы все". У драматурга, явно не считающего себя таковым, фраза звучит иначе: "Мудаки вы все". Житинкин оставил эту реплику - говорить не говорить - на усмотрение актрисы, а она решила солидаризироваться со своим измученным народом и - овация!

Но пофантазируем: что было бы, если, скажем, Элизабет Тейлор сказала бы такое бродвейскому зрителю? Думаю, что после этого все участники спектакля смогли бы жить лишь на пособие.

А вот "Моего бедного Марата" классика советской драматургии Арбузова он ставил с прицелом на скандал: показал, как неодолима, всепоглощающая сексуальная страсть буквально присасывает персонажей друг к другу и создает неуловимый, почти невидимый зрителю menage à trois. В одной из сцен мужчины, ожидая Лику, курят, передавая друг другу заветный окурочек: для Житинкина это был намек на их... оральные отношения. Интересно, а как сам Арбузов отнесся бы к подобной трактовке этого невиннейшего эпизода? Страшно представить.

Его последняя работа - спектакль "Псих" в Театре под руководством Олега Табакова - снова в центре внимания. Гениальная пьеса? Совсем нет. Скандал? Не похоже. "Психом" Житинкин закрыл для себя тему "совка", тему "психушки". Но это ведь "осетрина второй свежести", а публика между тем на спектакль ломится, и после падения занавеса аплодирует минут шесть.

Так в чем же дело? Очевидно, в том, что Житинкин, не стремясь сделать чисто коммерческий спектакль, снова берет зрителя в полон: последнему интересно - весело, страшно, - ибо спектакль очень динамичный, каждая мизансцена брызжет энергией, напряжение не ослабевает до самого конца. "Через "стеб" с обрыва в бездну", - говорит режиссер и, следуя этому завету, уверенно ведет зрителя к бездне - а дальше тот прыгает туда сам. Заглатывает наживку и - на крючке.

"Сегодня, - говорит Житинкин, - успех - это умение сочинить скандал". Скандалов он уже насочинял предостаточно - с конфетой в кричащей обертке его фамилия будет ассоциироваться еще долго.

Были у него спектакли и поскромнее. Например, "Собачий вальс" по Леониду Андрееву. Но это была первая постановка этой пьесы в России

Восемь скандалов режиссера Житинкина

О нем сейчас пишут, пожалуй, чаще, чем о любом другом театральном режиссере. Пишут со знаком плюс, а иногда и с большим знаком минус. Один критик даже сказал, что такого режиссера вообще нет. Что Андрей Житинкин - это просто блеф.

Житинкин - блеф... Что ж, о вкусах, как известно, не спорят, но куда в таком случае деть его спектакли? Многие спектакли - ведь он сегодня ставит их больше, чем другие. Спектакли не только суперпосещаемые, а становящиеся сенсациями. Так все-таки есть ли мальчик?

У него был спектакль и на лесбийскую тему под названием "Ночь триады". Зритель шел на название (триады - лесбиянки), в спектакле есть лесбийский мотив (Мари-Каролин уводит у героя жену), но для Житинкина интерес был не в этом: в центре - образ Стринберга и тема художника, который вследствие такого поворота судьбы стал писать по-другому - жестче. Для режиссера в этом спектакле важным оказался диалог художника с вечностью, а также взаимоотношения искусства и жизни.

Стал моден мат - и, пожалуйста, русский француз Волохов. "Игра в жмурики". Раньше мат прорывался на сцену одним-двумя словечками, не более того. А у него - лавина. Но с лавиной ему удобнее: публика минут через восемь привыкает к ненормативной лексике, и в дальнейшем она как бы перестает быть таковой. Это лишь игра, и зрители с удовольствием в нее втягиваются. Искусство театра, по Житинкину, выше мата, который лишь кирпичик, лежащий в основании спектакля. За историей взаимоотношений двух работников морга зрители следили с неослабевающим вниманием. А для него главное - разрушение табу. Пришел, увидел, разрушил.

Его кредо в искусстве - симбиоз метафоры и натурализма, чистую чернуху он ставить не хочет (хотя Волохов - куда уж чернее!). А если в пьесе вдруг натурализма нет, он может его запросто добавить. Потому что он полагает, что "зрителю надо брать за шкуру, чтобы пытаться вытащить из быта". Театр должен будоражить, а иначе как он сможет конкурировать с шоу-бизнесом, с телевидением, с американским кино? Зритель-то приходит в театр или содрогнуться и поплакать, или по-настоящему поржать, и режиссер просто обязан дать ему то, зачем он пришел.

Были у него спектакли и поскромнее. Например, "Собачий вальс" по Леониду Андрееву. Но это была первая постановка этой пьесы в России